

- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ *McGrade A. S.* The Political Thought of William of Ockham. Cambridge, 1974. P. 111.
- ³⁷ Ibid. P. 115.
- ³⁸ *Ullmann W.* Medieval Political Thought. Harmondsworth, 1975. P. 14.
- ³⁹ *St. Thomas Aquinas.* On Kingship. I ii 19 // Op. sit.
- ⁴⁰ *Данте Алигьери.* Указ. соч. С. 33.
- ⁴¹ *McGrade A. S.* Op. sit. P. 112
- ⁴² *Данте Алигьери.* Указ. соч. С. 128; William of Ockham. Op. sit. P. 113.
- ⁴³ *Marsilio da Padova.* Op. sit. P. 29.
- ⁴⁴ Ibid. P. 7.
- ⁴⁵ Ibid. P. 28.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid. P. 44.
- ⁴⁸ Ibid. P. 7.
- ⁴⁹ Ibid. P. 3.
- ⁵⁰ Ibid. P. 10.
- ⁵¹ *Gewirth A.* Op. sit. P. 55
- ⁵² *Marsilio da Padova.* Op. sit. P. 12.
- ⁵³ *Gewirth A.* Op. sit. P. 60
- ⁵⁴ *Marsilio da Padova.* Op. sit. P. 16.
- ⁵⁵ Ibid. P. 12.
- ⁵⁶ Ibid. P. 44.
- ⁵⁷ Ibid. P. 72.
- ⁵⁸ Ibid. P. 76.
- ⁵⁹ Ibid. P. 78.
- ⁶⁰ Ibid. P. 47.
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² Ibid. P. 54.
- ⁶³ Ibid. P. 52.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ Ibid. P. 51.
- ⁶⁶ Ibid. P. 54.
- ⁶⁷ Ibid.
- ⁶⁸ Ibid. P. 49.
- ⁶⁹ *Gewirth A.* Op. sit. P. 43.
- ⁷⁰ Ibid. P. 63.

ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

А.А. Маллакурбанов
(Россия, г. Курганинск)

Исследование вопросов, касающихся институциональных оснований взаимодействия государства и политических партий, неизбежно сталкивается с общей проблематикой так называемого права государства на «вмешательство» в партийные дела, полемика и дискуссии вокруг которой ведутся давно как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Следует сказать, что они далеко не бесосновательны, и, как замечает Ю.А. Юдин, «не прекращаются дискуссии не только по вопросу о пределах вмешательства государства в жизнь партий, но и вообще о том, допустимо, целесообразно ли такое вмешательство»¹. Ю.А. Юдин обосновывает вмешательство государства в партийную жизнь тремя основными моментами:

- ✓ возрастанием роли права в связи с усилением взаимодействия политических партий и государственного механизма, а также распространением политической коррупции;
- ✓ заинтересованностью государства в наиболее эффективном осуществлении политическими партиями публичных функций, связанных с организацией и осуществлением государственной власти;
- ✓ заинтересованностью государства в утверждении и соблюдении демократических принципов во внутрипартийной жизни².

Подобными вопросами задаются также отечественные авторы А.С. Автономов, В.Н. Даниленко и др. По мнению А.С. Автономова, «сами партии заинтересованы в правовом регулировании своего положения, поскольку это создает формально-юридические гарантии соблюдения их прав и законных интересов, а также защиты от произвола административных и полицейских органов». Правовую обусловленность процессов партийной жизни В.Н. Даниленко объясняет «прежде всего, возрастанием роли партий в политической жизни, усилением их взаимосвязи с государственными институтами»³.

Более близкой к существу проблемы представляется позиция немецкого государственоведа К. Хессе. «Для того чтобы функционировать в соответствии с нормами и принципами конституции, парламентарная демократия нуждается в деятельности политических партий, что, в свою очередь, делает необходимым правовой (хотя и ограниченный) порядок», – полагает немецкий исследователь⁴. Очевидно, что в своем суждении К. Хессе исходит из необходимости правового порядка функционирования политических партий в представительных органах государства в соответствии с конституционными принципами. Таким образом, деятельность политических партий автором ставится в зависимость от конституционных принципов и норм, что может быть воспринято как утверждение принципа конституционализма в деятельности партий.

Анализ приведенных суждений показывает, что, в принципе, речь идет о возрастании и расширении публичных функций права во всех сферах общественно-политической жизни, активными соучастниками которых являются, в том числе, и политические партии. В то же время вышеназванными авторами и другими исследователями не раскрывается самое главное, а именно – какова природа и обоснование права государства на известное «вмешательство» в партийные дела (в более широком значении – в партийную жизнь).

В связи с рассмотрением данной проблематики возникают два концептуальных вопроса, без ответов на которые представляется невозможным ее дальнейший анализ. Они могут быть сформулированы следующим образом: а) возможно ли в принципе какое-либо вмешательство государства (права) в жизнь политических партий; б) если да, то какова природа данного политико-правового явления.

Если исходить из того, что политическая партия является, прежде всего, добровольным объединением граждан «вокруг и во имя идей» (такова позиция подавляющего большинства исследователей), то возникает вопрос – а возможно ли вообще какое-либо «вмешательство в идею», да еще государственно-правовыми средствами?

Для того чтобы разобраться в существе поставленных вопросов, представляется необходимым совершить некоторый «экскурс» в историю политической мысли. И вот как представляли себе теоретические основы подобных явлений в жизни государства и общества мыслители различных исторических времен. В своих размышлениях о законах государства еще древнегреческий философ Платон высказал такую мысль, которая в современной литературе остается малозаметной. Как полагал Платон, тот, «кто проводит своего ставленника на государственную должность, не считаясь с законами, и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отвязленным врагом всего государства в целом»⁵.

Несмотря на то, что о «партиях» того периода истории мыслители говорили лишь как о «группировках» вокруг известных личностей, гениальная догадка Платона о безусловных коммуникациях «закона» и «партий» может считаться одним из первых в истории политической мысли обоснованием права государства на известное

«вмешательство» в некоторые сферы функционирования политических партий. Как уже было сказано, мысль Платона о взаимозависимости (коммуникации) «закона» и «партий» в новой и новейшей истории политической мысли осталась малозаметной. Так Т.Б. Бекназар-Юзбашев полагает, что впервые в истории политической теории о партиях вопрос о соотношении законодательства и политических партий был поставлен английским философом Д. Юмом⁶. Однако, как только что было показано, эти вопросы были поставлены в «повестку дня» еще Платоном. Надо сказать, что в отличие от Платона Д. Юм менее определенно высказался о соотношении «законодательства» и «фракций». По мнению Д. Юма, «абсолютистские системы правления не совсем свободны от них [партийных группировок] ...они гораздо легче поднимаются и быстрее размножаются при свободной системе правления, где они всегда заражают само законодательство, которое одно было бы в состоянии, равномерно применяя поощрения и наказания, искоренить их»⁷. Из чего следует, что Д. Юм видел в законодательстве более сдерживающую строптивные партийные группировки силу, нежели регулятивную функцию закона.

В новейшей истории английским мыслителем Дж. Брайсом была высказана весьма любопытная мысль о том, что подлинная демократия в партии невозможна без влияния и давления на нее «извне». Вот что пишет по этому поводу Дж. Брайс в своем известном труде «Американская республика» (1888). «Покуда нет никаких указаний на то, чтобы государственные люди, заявляющие притязания на роль вождей своей партии, или политики, руководящие действиями своей партии обнаруживали расположение распушить когти, в которых держат страну, или улучшить те методы, которых придерживаются в своей деятельности, — замечает автор. — Перемены в методах партий и прежде совершались и, конечно, впредь будут совершаться, но политики не принадлежат к разряду таких людей, от которых можно было бы ожидать перемен к лучшему. Партийный механизм не может быть переделан изнутри; его можно изменить, только нападая на него извне»⁸.

Глядя с позиций современной политической жизни, можно лишь согласиться с суждением Дж. Брайса, где автор справедливо подчеркивает невозможность смены партийных лидеров без «давления извне». По ряду объективных и субъективных причин на это чаще всего не способны ни формально руководящие органы партии, ни тем более сама партийная масса. А вот партийный аппарат и разного рода функционеры, оказывается, способны на многое и даже, казалось бы, на невозможное. Примеров тому в истории политических партий предостаточно; в отечественной истории самым ярким и показательным в этом отношении можно считать трусливотайное смещение Н.С. Хрущева с высшего партийного поста. Надо отдать должное прозорливости Дж. Брайса; его опасения по поводу невозможности «передела партийного механизма» без влияния «извне» в полной мере сохраняют свою актуальность и в современных условиях.

Вслед за Дж. Брайсом в более общих формулировках выражает свое понимание сути коммуникаций права и политических партий дореволюционный отечественный автор Ю.С. Гамбаров. Согласно суждению автора, «положение, ставящее в связь политические партии и правовое государство, вытекает равным образом из понятия политической партии, немислимого ни без признания закона в основании всего порядка общественной жизни, ни без участия в той или другой форме самого общества в регулировании этого порядка. То и другое характеризует лишь правовое государство и совершенно отсутствует в деспотиях»⁹.

Вся история генезиса политических партий (с момента их появления в промышленно развитых странах в 30–40-х гг. XIX в.) показала, что внешне малозаметные, но внутренне необходимые и неразрывные коммуникации права и политических партий в общественно-государственной жизни становились все более востребованными и актуальными. В современной истории, «на третьем этапе мирового конституционного процесса, т.е. после Второй мировой войны»¹⁰, эти коммуникации стали той основой, на которой демократически развитые страны стали строить и развивать свои национальные законодательства в отношении политических партий. А в тоталитарных странах эти очевидно необходимые и назревшие политико-правовые процессы и

тенденции в силу разных причин грубо игнорировались. Например, в странах «социалистического лагеря» это делалось даже вопреки той марксистской теории, которая официально исповедовалась на государственном уровне. Известно, что основоположники формационной теории прямо говорили о сохранении «узкого горизонта буржуазного права» во многих областях общественно-государственной жизни¹¹.

Таким образом, мыслители различных исторических эпох и взглядов признавали доминант права над всеми остальными регуляторами социально-экономических и общественно-политических процессов, происходящих в обществе и государстве. В то же время ими нисколько не принижалась роль и значение таких важных социальных регуляторов, как обычаи, традиции, мораль, культурно-исторические ценности и ориентиры.

Как уже было сказано, не являются исключением из «объектов вмешательства» права и такие явления общественно-политической жизни, как политические партии. В то же время это вовсе не означает, что государство и право могут свободно и «без оглядки» вмешиваться в партийные дела. Суть и смысл «вмешательства» в том, что концептуально оно не то чтобы невозможно, а скорее – малоэффективно. Ибо «вмешательство в идею» – «вещь» весьма проблематичная; образно говоря – тут и до инквизиции «рукой подать». В практике государственно-политической жизни это будет означать недопустимость даже косвенного вмешательства государства (права) в обычную партийную жизнь, не нарушающую общего конституционного правопорядка. К тому же партия – это достаточно свободная, добровольная и самоуправляемая общественная организация, куда прямой «доступ» государства определенно запрещен. Что же тогда является объектом вмешательства государства, и на каких политико-правовых основаниях это будет происходить? На этот вопрос можно попытаться ответить методом сравнительного анализа. Как известно, в современных демократиях «львиная доля» партийной работы направлена на обеспечение максимального выигрыша в ходе различных избирательных кампаний. В то же время у общества нет уверенности в том, что избранные от политических партий депутаты действительно являются носителями тех идей и программ, которые ими были декларированы и априори государством и обществом признаны. Но следует заметить, что в самом избирательном процессе кандидаты от партий лишь вторую половину выборного «марафона» проходят с полным соблюдением всех тех правил и норм, которые установлены государством. А первую половину пути – лишь на основании установленных самой партией «конвенциональных» норм, чаще, как это бывает в практике политической жизни, с применением методов партийного администрирования (в лексиконе некоторых политиков – «по понятиям»). В этих условиях могут ли, способны ли сами партии гарантировать обществу то, что их представители, избранные в парламент, будут являться именно теми депутатами, которые на деле станут осуществлять предвыборные программы и обещания своих партий? Политическая практика показывает, что у общества как раз нет такой уверенности и доверия к представителям партий, обещания и программы которых начинают незаметно теряться со следующего дня после подсчета голосов в избирательных урнах. Поэтому обществу далеко не безразлично то, как условная легитимность «партийного этапа» выбора переходит в действительную легитимность его «государственного этапа». Должны ли эти процессы быть взаимосвязанными между собой или же им совершенно нет дела друг до друга? Может ли порочность первого, «партийного этапа», выбора негативно отразиться на его втором, «государственном этапе»?

Обзор литературы показывает, что из современных авторов первым ближе всех к проблематике поставленных вопросов подошел М. Дюверже. Методом сравнительного анализа М. Дюверже в своем труде «Политические партии» (1951) следующим образом сформулировал ее суть. «Если коммерческая компания или общество рыбаков, вручая нескольким лицам власть, не узаконенную даже выборами в кругу своих членов, придает себе олигархическую форму, это, конечно, шокирует господствующие демократические убеждения, – мыслит автор, – но, разумеется, гораздо меньше, чем если бы точно такой же способ использовала политическая партия, действующая в рамках демократического государства и стремящаяся завоевать доверие масс, признающих демократически избранную власть единственно законной»¹².

Комментируя суждение М. Дюверже, можно сказать, что автор верно «нащупал» суть вопроса – почему политическая партия в отличие от «коммерческой компании» или «общества рыбаков» не может «вручать своим членам» незаконную власть. В суждении М. Дюверже присутствует определенная недосказанность, и в продолжение мысли автора можно сказать, что гражданам по большому счету нет дела до того, каким образом пришел к руководству «общества рыбаков», «Красного креста» или же религиозной секты тот или иной функционер. Ибо он далее своего общества «не пойдет» и обязательных к всеобщему исполнению «законов не напишет». Аналогичные процессы приобретают принципиально иное значение, когда они касаются политических партий, чьи политические идеи, доктрины, проекты, программы чаще имеют реальные шансы на воплощение в жизнь, как правило, путем принятия соответствующих законов и через законодательные процедуры. А это уже касается всех вместе и каждого в отдельности. Вот почему отдельные граждане и общество в целом, хотя бы они того или нет, должны быть заинтересованы в том, чтобы все принципиальные вопросы внутрипартийной жизни решались бы не только на основе «конвенционных» норм, но и нормативных актов, законов самого государства. Далее, правильно обозначив суть проблемы, М. Дюверже всю ответственность в вопросах внутрипартийной жизни неожиданно переложил на сами партии. «Политические партии должны... проявлять постоянную заботу о том, чтобы придать управлению демократический вид»¹³, – заключает автор, отдавая все «на откуп» самим партиям (правильнее сказать – партийным функционерам), с чем нельзя согласиться, по крайней мере, на добрую половину.

Определенный интерес в этом отношении вызывает и позиция Ю.С. Гамбарова, полагавшего, что «политические партии представляют собою не юридический, а только социальный факт, лишенный всякой юридической санкции и предоставленный исключительно действию так называемых "конвенционных" норм, существо которых лежит именно в свободном признании и свободном исполнении со стороны каждого повинующегося лица. Этой чертой политические партии отличаются формально не только от исчезнувших в современном государстве, в смысле предмета юридического регулирования, общественных союзов... но и самого государства... Указанная черта разграничивает также формально политические партии и от тех действующих в современном обществе союзов, которые подчинены юридической регламентации»¹⁴. По всей видимости, здесь можно говорить лишь об одном – в 1904 г. (время издания книги автора) политические партии еще невозможно было относить к государственно-правовым категориям, что в настоящее время становится все более очевидным.

Небезынтересный факт. Размышляя об идентичных явлениях и проблемах в рядах РСДРП, ее основатель В.И. Ленин в 1909 г. написал по смыслу примерно то же самое, что Ю.С. Гамбаров в 1904 г. и М. Дюверже в 1951 г. Так, В.И. Ленин, сетуя на то, что «наша партия опять тяжело больна, но у нее есть силы снова подняться», предлагал «мерами лечения болезни» «гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы»¹⁵. В то далекое время ни Ю.С. Гамбарову, ни В.И. Ленину, наверное, не дано было знать о том, что политические партии невозможно было «излечить» лишь одними «конвенционными нормами» или же «уставным путем». Но если им практически было невозможно предугадать бурные процессы институционализации политических партий, начавшиеся в странах континентальной Европы вскоре после Второй мировой войны¹⁶, то непонятно некое игнорирование М. Дюверже роли такого потенциально универсального и авторитетного регулятора процессов партийной жизни, как объективное право. Думать и полагать, что политическая партия лишь с помощью «конвенционных норм» или же «уставным путем» способна устанавливать и гарантировать обязательные к одинаковому исполнению всеми ее членами правила и принципы партийной жизни (как показала сама практика партийно-политической жизни многих стран мира), весьма наивно. Вся предыдущая история деградации и ухода с реальной политической арены тех же бывших правящих партий социалистических стран – более чем достаточное тому подтверждение. И этот, негативный даже для «левых» партий исторический опыт, разгадку тайны жизненной необходимости права го-

сударства на известное «вмешательство» в партийную жизнь к середине 1980-х гг. сделал менее сложной и более чем очевидной.

Все более очевидным становится то, что партийная жизнь все чаще и чаще сталкивается со сложными и глубинными реалиями в собственной среде. Объективное существование этого фактора можно объяснить еще и тем, что отдельные индивидуумы, вступая в ту или иную партию, привносят в новую среду не только гуманизм и праведность, но и многое из того низменного и порочного, что в таком обилии имеется в реальной «непартийной» жизни. Очевидно, что «родимые пятна» той жизни вместе с веками существующими пороками, привычками и психологией индивидуума в новой партийной среде одномоментно исчезнут не могут. Вступив в политическую партию, индивидуум не становится, к примеру, ни идеальным либералом, ни идеальным социалистом, а кем-то «средним» между «партийцем» и «гражданином». Поведение этого условно «среднего индивидуума» при различных ситуациях и обстоятельствах, особенно когда дело касается выборов в руководящие органы партии, представительные органы власти и т.д., ввиду вышеназванных и иных причин чаще бывает своекорыстным и непредсказуемым. Наблюдения итальянского политолога Г. Моска в этом отношении весьма поучительны и, как замечает автор, «человек существо весьма слабое чтобы совладать с собственными страстями и со страстями других людей; зачастую более эгоистичен, чем нужно, нередко тщеславен, завистлив, мелочен, и вместе с тем он несет порой в себе два стремления, два чувства, которые облагораживают, возвышают и очищают его»¹⁷. Примеров тому, когда политические партии предавались воспитанниками, выходцами из собственной партийной среды, как в отечественной, так и в мировой политической практике, более чем достаточно.

Таким образом, из вышеизложенного необходимо следует вывод о том, что, наряду с самими партиями, государство и право также обременены функцией нейтрального регулятора строго определенных вопросов внутрипартийной жизни. Поэтому те дискуссии, которые еще не утихают в литературе по поводу «вмешательства» (невмешательства) государства (права) в партийные дела, приобретают в немалой степени оттенок спекуляций на этой теме. Лучшее доказательство тому – принятие в 2001 г. Закона РФ «О политических партиях», который служит общим интересам дальнейшей демократизации общественно-политической жизни, укреплению системы многопартийности в стране, развитию процессов гласности и открытости в обществе, в особенности касательно его «верхних слоев» – политико-властных элит.

¹ *Юдин Ю.А.* Политические партии и право в современном государстве. М., 1998. С. 14.

² Там же. С. 13–14, 124.

³ *Автономов А.С.* Правовая регламентация деятельности политических партий в капиталистических и развивающихся странах // Советское государство и право. 1990. № 6. С. 130; Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М., 1999. С. 224; Даниленко В.Н. Политические партии и буржуазное государство. М., 1984. С. 86.

⁴ *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 90.

⁵ *Платон.* Законы. М., 1999. С. 309.

⁶ *Бекназар-Юзбашев Т.Б.* Партии в буржуазных политико-правовых учениях. М., 1988. С. 23.

⁷ *Юм Д.* Сочинения: В 2 Т. М., 1965. Т. 2. С. 598.

⁸ *Брайс Дж.* Американская республика. М., 1890. Ч. 3. С. 496.

⁹ *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1904. С. 7.

¹⁰ *Юдин Ю.А.* Политические партии и право в современном государстве. М., 1998. С. 12.

¹¹ *Маркс К.* Критика Готской программы // Собр. соч. Т. 19. С. 18–20.

¹² *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 187.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1904. С. 5.

¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 9–10.

¹⁶ *Юдин Ю.А.* Политические партии и право в современном государстве. М., 1998. С. 12.

¹⁷ *Моска Г.* Правящий класс // Социологические исследования. М., 1994. № 10. С. 98.